

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра новейшей литературы

Выпускная квалификационная работа

П.П.БАЖОВ И ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Работу выполнила:

студентка Z 262 группы

по специальности

050301.65 «Русский язык и

литература»

Иванова Эльмира Балабековна

(подпись)

«Допущена к защите в ГАК»

Зав. кафедрой

(подпись)

« ____ » _____ 2016г.

Научный руководитель:

канд.филол.наук, доцент кафедры новейшей
русской литературы

Кайгородова Вера Евгеньевна

(подпись)

ПЕРМЬ
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ		С. 3
ГЛАВА 1	ПЕРМЬ И ПЕРМСКИЙ КРАЙ В БИОГРАФИИ П.П.БАЖОВА	С. 6
	1.1. Семинария	С. 6
	1.2. Революция и Гражданская война	С. 9
	1.3. 1930 -1940-е годы	С.11
	1.4. Пермьки – друзья и коллеги писателя.	С.12
ГЛАВА II	«ПЕРМСКОЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ П.П.БАЖОВА	С.23
	2.1. П.П.Бажов на строительстве Бумстроя	С.24
	2.2. Повесть «Через межу»	С.29
	2.3. Сказ «Ермаковы лебеди»	С.34
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		С.41
БИБЛИОГРАФИЯ		С.44

ВВЕДЕНИЕ

Выпускная квалификационная работа посвящена изучению творческих связей Павла Петровича Бажова (1897 – 1950), журналиста, писателя, автора знаменитой книги сказов «Малахитовая шкатулка» с Пермским краем, его историей и современностью, конкретными людьми, ставшими друзьями и соратниками художника.

Общеизвестно, что с Пермью Павла Петровича Бажова роднит многое: здесь он получил семинарское образование, что немало определило в духовном мире и системе нравственных ценностей будущего литератора. В семинарские годы Бажов создает свои первые тексты. Пермские страницы биографии периода революции и гражданской войны – одни из самых сложных, трагических и мало исследованных в биографии писателя. В дальнейшем Бажов не раз бывал в Перми, в числе его друзей и коллег немало пермяков. Современность и прошлое Прикамья становились предметом документального описания и художественного осмысления литератора. Между тем на сегодня нет целостного описания контактов автора уральских сказов с Пермью и Пермским краем. Существуют лишь фрагменты мемуаров, литературоведческие исследования отдельных текстов. Все вышеназванное определило **актуальность предпринятого исследования**. Она связана также с устойчивым интересом к региональной культуре и истории, в частности, к малоизвестным её страницам.

Объектом исследования являются мемуары современников и проза П.П.Бажова, связанные с Пермью и Пермским краем: статьи, повесть «Через между», сказ «Ермаковы лебеди». В отдельных частях работы детально анализируются повесть «Через между» и сказ «Ермаковы лебеди»

Предмет исследования – особенности отражения в прозе П.П. Бажова реалий Пермского края, его современности и истории; роль указанных текстов и событий в творческой биографии писателя.

Основная цель работы - сформировать комплексное представление о связях П.П.Бажова с Пермским краем, роли этих связей в жизни и творчестве писателя.

Для реализации цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Изучить биографию П.П.Бажова по имеющимся источникам; выделить эпизоды контактов с Пермским краем: пребывание на территории, личностное и творческое общение с пермяками
2. Исследовать значение пермского материала в творческой истории текстов, особо выделив повесть «Через межу» и сказ «Ермаковы лебеди».
3. Составить комплексное представление о роли «пермских» эпизодов в биографии писателя в его творчестве.

Методы исследования: исторический, биографический, сравнительно-типологический.

Научная новизна. «Пермской» теме в жизни и творчестве П.П.Бажова посвящены единичные статьи, опубликованные в «Бажовской энциклопедии»[2], в малотиражных научных изданиях и пермской периодике. В данном исследовании тема впервые получает целостное освещение.

Степень научной разработанности темы. В настоящее время выбранная нами тема разработана явно недостаточно. Это связано с тем, что главными моментами творческой биографии П.П.Бажова справедливо признается все, связанное со сказами писателя, его «Малахитовой шкатулкой». П.П.Бажов, его творчество безоговорочно считаются принадлежащими Екатеринбург,

что не исчерпывает богатство и многообразие созданного Бажовым. Исследователями Екатеринбурга проведена большая работа по изучению личности и творчества писателя, что нашло выражение в монументальных трудах последних лет – «Бажовской энциклопедии» [2] и объемном библиографическом указателе [3]. Знакомство с этими изданиями подтверждает мысль о том, что информация о пермских контактах писателя нуждается в осмыслении и систематизации.

Практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы в курсах истории русской литературы 20 века, литературного краеведения.

Структура работы

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии.

Глава 1. посвящена Перми и Пермскому краю в биографии П.П.Бажова.

Глава 2. рассказывает о «пермском» материале в творчестве П.П.Бажова.

ГЛАВА 1

ПЕРМЬ И ПЕРМСКИЙ КРАЙ В БИОГРАФИИ П.П.БАЖОВА

1.1.Семинария.

Вся жизнь П.П.Бажова связана с Уралом. Он родился в 1879 году в Сысерти. Там прошли детские годы знаменитого автора сказов. С десяти до четырнадцати лет Павел учился в Екатеринбурге в духовном училище. Пермь появилась в его жизни и судьбе потом. Он стал студентом Пермской духовной семинарии, и следующие шесть лет жизни были связаны с городом на Каме, который писатель, в отличие от учебы в семинарии, всегда поминал добром, куда приезжал неоднократно в разные годы своей долгой жизни.

К моменту поступления Бажова Пермская семинария имела уже некоторую, хотя еще и не очень долгую, историю. Это учебное заведение было открыто в 1800 году. Первым руководителем семинарии был известный деятель церкви епископ Иоанн. Сначала студентов было немного, около полутора десятков человек, но они были, по сути, местными, уроженцами Пермской губернии, переведенными из семинарий Вятки и Тобольска. С годами семинария разрослась, укрепилась преподавательскими кадрами. Выпускники ее стали заметными лицами не только в среде духовенства, но и в культуре города.

В 1830 году для семинарии было построено капитальное здание. И в наши дни, надстроенное двумя этажами, оно сохранилось на берегу Камы напротив Спасо-Преображенского кафедрального собора. Сегодня на углу дома, где когда-то обучался Павел Бажов, среди других мемориальных досок в честь знаменитых выпускников есть и его, бажовская.

Шесть лет, проведенных в семинарии, стали для юноши временем основательного гуманитарного образования. К девятистым годам дух

вольнодумия проник и за эти стены. Семинаристы много читали. Естественно, русскую классику. Но не только. У семинаристов была собственная, неизвестная начальству библиотека, и в ней можно было найти книги народников, марксистов. Хранить эту библиотеку, выдавать литературу было и опасно, и почетно. Бажов вспоминал, что он три года был обличенным доверием соучеников библиотекарем.

В тридцатые годы, вспоминая семинарию, писатель рассказывал К. Рождественской: «Нужно сказать, что в те годы духовные школы были самыми дешевыми – десятка в год за правоучение. А уже тогда наблюдалось такое течение – духовенство стремилось отдать своих детей в светские школы. Оказывался недобор. Шли туда по необходимости сироты – дети дьячков, дьяконов. В большинстве случаев, по моим наблюдениям, это были люди физически слабые (ну, бедность, нужда, понятно) и с задатками наследственного алкоголизма. Нужен был приток здоровой крови. С этой целью и открыли вход для других сословий. Дети рабочих, зажиточной части крестьянства. У нас в классе в тридцать пять человек десять были не из духовных. И характерно, что никто из них не пошел в попы. Одного я как-то встретил – стал акцизником. Хоть куда, только бы не в попы. В общем, учился я в той школе, которая готовила пропагандистов того времени. У нас был особый курс «Нравственное богословие». Там был особый раздел «Безразличные действия». Попы любят выпить. Одну стопку можно, а две уж... (делает юмористический жест).

Помню, в семинарии у нас был свирепый учитель по русскому языку, его все боялись, но уважали. Он подчеркнет неправильное слово и на полях напишет: ошибка такая-то, писать надо так-то. Задал он раз сочинение: «Наш сад и огород». Ну, конечно, все написали – клены, вязы, фонтаны, беседки и прочее. Приходит он и говорит: «Я хорошо знаю сады попов, хорошо знаю

сады мещанского сословия, но таких садов, как вы пишете, я нигде здесь не видал»[27;178].

Дочь писателя в мемуарной книге сообщает: «О годах учебы отца в Пермской семинарии знаю мало. Почему-то об этом времени он никогда не вспоминал и не рассказывал. Известно только, что он три года был библиотекарем подпольной семинарской библиотеки, где были произведения К.Маркса, Кропоткина, Прудона, Лаврова, Чернышевского. Вместе с другими учениками семинарии участвовал в «беспорядках», когда добивались ухода одного из помощников инспектора (Пославского), помогал устраивать маевки за Камой, принимал участие в школьном кружке «Наше слово». Впервые в эти годы познакомился с трудами Ф.Энгельса, читал ранние работы В.И.Ленина. Чтобы продолжить учебу, он занимался репетиторством, переводами, корректурой, поездками на эпизоотию»[4;35].

Жилось семинаристу непросто, он вынужден был прирабатывать. В статье пермского краеведа В.Гладышева мы читаем о беседе с исследователем биографии П.Бажова: «Я начинала исследовать работу юного Бажова в пермских газетах,- рассказала мне Нина Викторовна.- У него было несколько псевдонимов, всего мне известно около двадцати. «Ритор», например, это прозвище его. Позднее появится «Чипонев», что означало: «читатель поневоле», так он подписывался чаще всего под библиографическими заметками...»

Н.В. Кузнецова предложила пермским краеведам продолжить исследование. Мне также было известно несколько бажовских псевдонимов: П.Деревенский, П. Осинцев (по девичьей фамилии своей матери) Днев, Огнев. Иногда Бажов подписывался инициалами: П. Б. Егор Колдунков – с таким псевдонимом-синонимом вышла ранняя повесть писателя «Зеленая кобылка». Конечно, это еще не всё, изучение газетных публикаций Бажова нужно продолжить»[11;72].

В 1899 году Бажов окончил Пермскую семинарию – третьим по сумме баллов. В священники пойти юноша не захотел, возможности продолжить учебу в университете (Томском. Юрьевском – только туда принимали выпускников семинарий) не было. Он стал учителем.

Сегодня, читая сказы Бажова, изучая его биографию по воспоминаниям и письмам, понимаешь, что годы учебы в семинарии, а затем работа педагога в епархиальных учебных заведениях были чрезвычайно значимыми в нравственном становлении писателя. Гуманизм, уважение к людям, твердость нравственных устоев, искренняя доброта во многом идут от этого жизненного опыта. Приобретенное в это время нравственное и духовное выразится в том, как и для чего будут жить любимые герои его «Малахитовой шкатулки».

1.2. Революция и Гражданская война

Годы революции и гражданской войны – время чрезвычайной, небывалой доньше общественно-политической активности Бажова. Еще до октябрьских событий, до прихода к власти большевиков будущий писатель избран главой Совета города Камышлова, начинает одновременно редактировать «Известия Камышловского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» В 1918 году он становится членом РКП(б). После принимает участие в Гражданской войне на стороне красных, редактирует армейскую газету «Окопная правда».

В это время писатель снова попадает в Пермь. Здесь события принимают трагический, смертельно опасный оборот. Сам Бажов вспоминал впоследствии: «Конец восемнадцатого года. Приехали на старый вокзал в Пермь. Стрельба со всех сторон. Мы окружены. Выскочили на обледеневшую площадку. Меня кто-то прикладом. Свалился. Очнулся. Темно, не разбираю, где я. Нашупал бутылочную бомбу. «Слазь!» - крик. Повели нас на Ямскую улицу. Казарма, нары в три этажа. Ночь светлая.

Сижу у окна. Сговорились несколько человек бежать. Удалось. Направились до Верхних Муллов. Перебраться к своим не удалось. Подался в Сибирь к партизанам. В конце 19-го с партизанскими частями вступил в Усть-Каменогорск. Избрали в горком, потом в уездный комитет партии. Стал редактором газеты. Заболел. В 1921 году отпросился на Урал. Вернулся в Екатеринбург»[27;180].

Этот краткий рассказ коллеге-редактору много позже после описываемых драматических событий помогает нам сегодня дополнить картину сдачи Перми колчаковцам в декабре 1918 года. Событие быстро получило тогда название «пермская катастрофа». Бажов мог расстаться с жизнью: член партии большевиков, автор статей, редактор красноармейской газеты. Ему удалось бежать: помогла царившая кругом, в том числе и в белогвардейской тюрьме, неразбериха.

О счастливом освобождении Павла Петровича из колчаковской тюрьмы известны разные версии, из них самая невероятная, в духе авантюрного романа, принадлежит пермскому краеведу А. Шарцу. Журналист лично знал Бажова, слушал его воспоминания. Сами названия статей, опубликованных в уральских областных газетах, говорят о детективно-приключенческой природе повествования [36] [37] [38] [39]. Спустя годы журналист ищет свидетелей давних событий. Согласно высказанной им версии, в освобождении Бажова участвовали подпольщики-большевики, существовала некая многоходовая комбинация, включавшая даже негласную договоренность с колчаковским генералом Гайдой.

Драматичность обстоятельств пермского плена воспроизводится по рассказам самого писателя. Однажды какой-то красноармеец прислал в газету «Окопная правда» рассказ под названием «В карасинке» о том, как ему удалось бежать из плена. Вошедшие в город белогвардейцы загнали всех пленных в Нобелевский керосиновый склад. Бажов говорил своему первому биографу Л. Скорино об этом красноармейце так, как будто о себе:

«...Переживания в «карасинке», радость, когда выбрались. И рассказано живыми, свежими словами. Да, иной раз Эолова арфа превосходит произведения композиторов»[11;69].

После счастливого освобождения Бажов нелегально отправился в Екатеринбург, тревожась о своей, уже многочисленной в эти годы, семье. Оттуда, выправив новые документы, он отправляется в Камышлов, чтобы продолжить участие в гражданской войне. В Пермь он попадет снова спустя годы.

1.3. 1930 -1940-е годы

В 1931 году по инициативе А.М.Горького начала издаваться серия книг под общим названием «История фабрик и заводов». Строительство Камского комбината, о котором предполагалось рассказать, было в самом начале, и книгу о нем писать было рано. Но вот в 1934 году в Краснокамске приступили к монтажу варочных котлов, колчеданной печи и пресспата, а на ленинградском заводе имени II пятилетки была изготовлена первая советская бумагоделательная машина для уральского комбината. Тогда в поселок бумажников и был направлен П.П.Бажов, ставший к тому времени одним из корифеев советской публицистики.

В первый приезд Бажов пробыл в Краснокамске недолго. Но молодой поселок на берегу Камы ему понравился.

В следующем году Бажов привез с собой семью и на все лето поселился в одном из так называемых домов-«аэропланов». В том самом, где впоследствии долгие годы были редакция «Краснокамской звезды» и типография. А тогда одно крыло дома было гостиницей.

Он стал своим человеком на строительных площадках, в парткоме и, особенно, в редакции газеты «Камский бумажник». Первая краснокамская газета переживала тогда пору становления. Ее редактор С.М.Ширинкин вспоминал, что Бажов «часто обрабатывал материал, поступивший в газету, учил, как показывать передовиков строительства».

Пятидесятипятилетнего Бажова с молодым еще человеком Ширинкиным связала хорошая мужская дружба. Даже обычай свой завели — тихими вечерами сидеть на камском берегу на заветной скамейке, смотреть, как ходят по могучей реке суда, и обсуждать все, что случилось за день, все, что намечено на ближайшее и далекое будущее.

В то лето Бажов написал в Краснокамске «Сказ про водолаза», собирал материалы по истории Бумстроя, приступил к работе над повестью «Через межу», действие в которой происходит в деревне на берегу Камы.

Краснокамцы чтят память о пребывании автора знаменитых сказов: это один из важных моментов в истории молодого города [25].

1.4. Пермьяки – друзья и коллеги писателя.

В числе друзей и близких знакомых П.П.Бажова было немало пермяков. С годами среди них все больше становилось соратников: литераторов, деятелей культуры.

К их числу относится и личность, для Перми легендарная, *Николай Николаевич Серебрянников* (8 июля 1900, Верхние Муллы, Пермская губерния — 21 мая 1966, Пермь) — искусствовед, посвятивший свою жизнь собранию и изучению пермской деревянной скульптуры, основатель Ильинского районного краеведческого музея. В 1928 году было опубликовано исследование Н. Н. Серебрянникова «Пермская деревянная скульптура». Н. Н. Серебрянников организовал и до 1942 года возглавлял Пермский союз художников. В годы Второй мировой войны обеспечил хранение эвакуированных ценностей Русского музея, Третьяковской галереи.

Одним из эпизодов многолетних контактов П.П.Бажова и Н.Н.Серебрянникова стала деятельность по возрождению производства художественного чугуна в Каслях.

Е. Пермяк в своей книге, посвященной П.П.Бажову, пишет: «Начались письма, ходатайства, а Каслинскому заводу не возвращали его искусство. Нашлись болельщики и защитники, кроме нас. Одним из таких был Николай Николаевич Серебренников, высоко чтимый Бажовым и вызывающий мое поклонение его настойчивости, терпеливости, которым обязан научный подвиг. <...>

Вот что пишет Павел Петрович об этом мне в Москву:

"Вчера - 1 апреля - слушал доклад Н. Н. Серебренникова "Искусство Урала". <...>Серебренников - сосуд, конденсирующий энергию. И вот вчера он почти два часа держал советскую общественность Свердловска под действием этой конденсированной энергии. Жарко всем стало.

Говорил как будто об очень далеких вещах: об иконах строгановского письма, о деревянной скульптуре, об архитектуре заводских сооружений и поселков, о чугунном литье Кувы, Кусы и Каслей, о гранильном и камнерезном искусстве, ни разу никого ни в чем не укорил, но всем стало стыдно...

...По литейному делу Серебренников оказался тоже очень сведущим, без узости местного патриотизма.

Рассказав об опытах разных заводов, он пришел к выводу, что только Касли смогли дать высокие образцы литья. <...>.

2 апреля 44 г."

Это письмо не только прочиталось и перечитывалось, но и не забылось, запав в память и душу, а затем продолжилось статьей о Каслях, которую писал я, но моей рукой, кажется, водил Павел Петрович.

А было это так.

После того как не без усилий и авторитета Павла Петровича Каслинскому заводу вернули его художественное литье, писатель Юрий Хазанович привез мне из Свердловска каслинские настольные часы. Эта тяжеленная отливка, 10 килограммов и 560 граммов, представляла (и

представляет) собой две ростовые фигуры - Данилы-мастера и Медной горы Хозяйки. Чугунное литье, может быть, и не сердило бы при взгляде на него, если б оно было сделано на каком-то другом заводе, а не на Каслинском, овеянном славой изготовления миниатюр и увенчанном первоклассным сказом Бажова. Он-то, его голос, его любовь к Каслям, его опасения, что "мясорубочный затянувшийся антракт" прервет нить преемственности мастерства, заговорили во мне. <...> я опубликовал в "Правде" критическую статью "Касли", которая, как я свято верю, была только, повторяю, технически написана мною, принадлежа П. П. Бажову и Н. Н. Серебренникову»[21].

Клавдия Васильевна Рождественская (1901–1963) – писатель, редактор. Клавдия Васильевна была приглашена в 1949 году пермскими властями из Свердловска. Там она занимала ответственный пост главного редактора книжного издательства «Свердлгиз», крупнейшего на Урале. С Пермью ее связывали глубокие творческие взаимоотношения с писателями. Она печатала произведения пермских писателей — Е. Трутневой, Б. Михайлова, А. Ромашова, И. Келлера, Вл. Занадворова, А. Спешилова и других. Возглавив в 1949 году Пермскую писательскую организацию, Клавдия Васильевна направила все силы на дальнейшее развитие и творческое становление будущих писателей. Будучи личностью масштабной, воспринимающей творческий процесс края широко и комплексно, она в сущности поставила на ноги писательскую организацию, возглавляя ее три выборных срока подряд. К. Рождественская помогла выйти на литературную дорогу целой плеяде писателей, среди которых поэтесса Евгения Трутнева, прозаик Лев Давыдычев, прозаик Владимир Воробьев, поэт Владимир Радкевич, прозаик Олег Селянкин, поэт Борис Ширшов, поэт Афанасий Матросов, прозаик Виктор Астафьев, прозаик Алексей Домнин и другие. Будучи строгим и мудрым редактором, К.В.Рождественская помогла профессиональному становлению многих начинающих литераторов.

Высоко оценивая это её качество, Б.С.Рябинин, автор книги о К.В.Рождественской, изданной в серии «Замечательные люди Прикамья» (Пермь, 1988), писал: «Рождественская умела выискивать, ждала, когда в человеке блеснёт нечто, озарит его свыше, ибо каждый талант – не есть ли дар свыше? Через всю жизнь она пронесла страсть поиска. Литературной наставницей назовёт её история культуры Урала»[28;8]. В 1938 году она основала журнал «Уральский современник», в первом номере которого вышли в свет знаменитые произведения П. П. Бажова «Каменный Цветок» и «Малахитовая шкатулка». Клавдия Васильевна была первым редактором его книги сказов.

8 лет К.В.Рождественская работала в творческом союзе с П.П. Бажовым, ее воспоминания об этом периоде вошли в сборник «Павел Петрович Бажов»: «Общесоюзное признание таланта Павла Петровича Бажова совпало с приближающимся его шестидесятилетием. В отделении ССП, в газетах и театрах шла подготовка к празднованию юбилея автора «Малахитовой шкатулки». Начав писать статью о Бажове для «Уральского рабочего», я попросила его рассказать мне в досужую минуту о своей жизни. 11 января 1939 года вечером, когда посетители схлынули, пришел Павел Петрович в издательство, сел поудобнее около стола и неторопливо стал вспоминать свою жизнь. Я тут же записывала. Это сообщение как материал вошло затем в опубликованную статью «Собиратель народных дум». Но в статье не удалось сохранить некоторых деталей и многое было скрыто под обобщенной формой изложения»[27;177].

Борис Николаевич Михайлов (1911 – 1976) - поэт, журналист, член Союза писателей с 1935 г. Ответственный секретарь Пермской областной писательской организации. Его воспоминания о П.П.Бажове названы «Друг и наставник»: «Имя Бажов тесно связано с моим родным городом Молотовом, в прошлом Пермью. Здесь он учился и одновременно работал репортером в местной газете «Пермские губернские ведомости».

В годы гражданской войны, работая в армейской печати, он участвовал в боях за Пермь.

Начиная с 1934 года мне, как уполномоченному Союза советских писателей по городу Молотову, а затем как ответственному секретарю Молотовского отделения ССП, приходилось постоянно общаться с Бажовым.

Павел Петрович, как старший товарищ, поддерживал меня в организационной и творческой работе. Особенно много помощи оказал он в работе с эвакуированными к нам в дни Великой Отечественной войны ленинградскими писателями»[18;209].

Борис Степанович Рябинин (1911–1990) – писатель, журналист. Борис Рябинин родился в Кунгуре, где и прошло все его детство. «Я родился в старинном уральском гнезде - городе Кунгуре, в городе кожевенных заводов и чайных «королей». О своём детстве в Кунгуре Рябинин написал в книге «У бабушки, у дедушки» (1973). Работал фотокорреспондентом газеты «Известия», журнала «Уральский следопыт». Также Рябинин стал автором многих сценариев документальных и научно-популярных фильмов. Первая книга «Каменные загадки» вышла в 1935 году. Вторая книга «Мои друзья», вышедшая в 1937 году, посвящалась друзьям человека — собакам. С тех пор они стали его любимыми литературными героями. Собакам посвящены книги и сборники «Рассказы о потерянном друге», «По следу», «Животные в нашем доме» (Рябинин — составитель). В 1959 году в Перми вышла книга для собаководов «Вы и ваш друг Рэкс» — подробное руководство для тех, кто хочет завести собаку и воспитать из неё верного и преданного друга. Б. С. Рябинин пишет: «Ни одно животное не платит человеку такой привязанностью, как собака... Старое правило собаководства гласит: сколько вы вложите в собаку, столько она и отдаст вам». Центральная детская библиотека Кунгура с 2001 года носит имя писателя Бориса Степановича Рябинина. В библиотеке есть Рябининский зал, где оформлена экспозиция «Дело всей жизни», посвященная Борису Рябинину и где проводятся

ежегодные Рябининские чтения, в которых принимают участие школьники Кунгура и Кунгурского района, учителя, библиотекари, музейные работники и просто неравнодушные люди.

О дружбе с Павлом Петровичем Б. С. Рябинин рассказал в автобиографической книге «Ушедшее — живущее». «Бажов был редактором альманаха «Уральский современник» (предшественник журнала «Урал»), я — его ответственным секретарём. Нас с Бажовым одновременно приняли в Союз писателей. У Павла Петровича я учился по-настоящему видеть и слышать природу, любить и защищать её». «Человек складывается из тысячи мелочей. Думаешь о творце «Малахитовой шкатулки, перебираешь в памяти встречи с ним, и встаёт личность самобытная, обаятельная, неповторимая. Общественный деятель и примерный семьянин, почитатель искусств и тонкий знаток литературы... Энциклопедически образованный, Бажов мог вести увлекательную беседу на любую тему, слушать его было наслаждение. Только что с поразительным знанием подробностей говорил о старых народных ремёслах Урала, и — уже следует глубокий психологический анализ, удивительное проникновение в суть вещей, способность увидеть и понять то, что доступно не каждому. Любил шутку и сам умел шутить. К нему шли за помощью, за советом, он был близок всем...». Рябинин писал: «вспоминается, конечно, мудрейшее его высказывание — о широкоглазых и узкоглазых. По какому поводу было сказано, теперь уже не припомнить. А сказано было так:— Люди, они ведь двух категорий родятся: узкоглазые и широкоглазые. Узкоглазый — враг наш. Узкоглазый видит только то, что близко около него, да и из этого-то намного чаще всего лишь касающееся лично его... Широкоглазый — глядит далеко и смело, видит и справа и слева, объемлет всё разом, все проблемы, знает, что может получиться из чего, и поступает соответственно. Нам нужны широкоглазые! Сколько раз я потом вспоминал его слова! Как часто ещё узкоглазые встают на пути хороших, важных дел...»[29].

Евгений Андреевич Пермяк (1902–1982). (настоящая фамилия Виссов) - советский писатель, драматург. Родился 31 октября 1902 года в Перми. Этот город сыграл и большую роль в его творческой биографии: недаром писатель своей настоящей фамилии - Виссов - предпочел псевдоним Пермяк. Автор научно-популярных книг для детей: «Кем быть?» (1946), «От костра до котла» (1959), «Сказка о стране Терра-Ферро» (1959), «Сказ про газ» (1960); сборников сказок: «Счастливый гвоздь» (1956), «Дедушкина копилка» (1957), «Замок без ключа» (1962) и др.Е. Пермяком написаны романы: «Сказка о сером волке» (1960), «Старая ведьма» (1961), «Последние заморозки» (1962), «Горбатый медведь» (1965).В годы Великой Отечественной войны Евгений Пермяк находился в Свердловске. В это время он очень подружился с Павлом Петровичем Бажовым, помогал ему руководить местной писательской организацией. Впоследствии Пермяк посвятил Бажову книгу «Долговекий мастер». В 1942 в Свердловске была издана книжка «Ермаковы лебеди. Героическое представление в 4-х действиях Евгения Пермяка по одноименному сказу П.Бажова об Ермаке Тимофеевиче, его храбрых есаулах, верной невесте Аленушке и о великом государе Иване Васильевиче». Позднее Пермяк написал еще одну пьесу по сказу Бажова — «Серебряное копытце» (1956). Сам он записывал и обрабатывал сказания о горе Благодать. В совместных поездках Бажова и Пермяка по Уралу родились книги очерков «Уральские записки», «Строители».

Тогда же у Е. Пермяка появился замысел книги «Кем быть». Книга состоит из 12 сюжетно завершенных глав (тетрадей), объединенных общей авторской задачей: раскрыть поэзию труда и познакомить юного читателя с огромным количеством существующих на земле профессий. Рассказывая об увлекательном путешествии своих юных героев в громадном «царстве труда», автор приводит их к знаменитому сказочнику, его рассказ о знаменитом умельце-углежоге Тимохе, убежденном, что «живинка во всяком

деле есть: впереди мастерства она бежит и человека за собой тянет». Мысль о том, что в каждом деле надо «живинку найти» проходит через все путешествие в мир профессий.

Творческая манера Пермяка испытала сильное воздействие «уральских сказов» П. П. Бажова. В послевоенные годы часто Е.Пермяк обращался к детской литературе, много издавался как автор сказок и миниатюр популярно-просветительского и нравоучительного характера.

Бажова-Гайдар с большой симпатией пишет о дружбе писателей: «Казалось, писатель Евгений Андреевич Пермяк и отец очень разные люди. Один веселый, подвижный выдумщик; другой спокойный, уравновешенный, немногословный, но дружеские их отношения сохранялись много лет. И при встречах, и в письмах между ними всегда велся легкий, неустойчивый, остроумный спор о путях творчества, о возможностях каждого. Отец призывал не спешить в творчестве, быть точнее в знании и использовании материала, в деталях. Евгений Андреевич поторапливал отца, посмеивался над его медлительностью, «кустарщиной». Наверное, этот спор был полезен и тому и другому. Е.А. Пермяк написал очень теплую книгу о дружбе с П.П. Бажовым»[4;93]

В книге «Долговекий мастер» Е. Пермяк подробно рассказывает о многолетней дружбе с П.П.Бажовым. Книга написана живо, запоминаются окрашенные юмором эпизоды начального общения: «...редактор пионерской газеты "Всходы коммуны" Саша Козлов посоветовал мне познакомиться с Бажовым.

- Бородатый такой, - сказал он мне. - Как войдешь, не спутаешь. Один с бородой.

Бородатых тогда было очень мало, а в советских учреждениях почти не было их. И я сразу увидел нужную мне "бороду".

Я назвал его и услышал в ответ:

- Очень приятно... Бажов!

Я познакомился с любезным, мягким, располагающим к себе человеком лет пятидесяти. Я встретил не просто "указчика" на наши недостатки, каких было больше, чем недостатков, а доброго советчика. Я нашел больше, чем хотел. Чем мог ожидать.

<...>Мой новый знакомый не просто разбирался в стихотворных строках, но и умел выправить их. Тут же, за столом, не давая высохнуть своему перу» [21].

Е.Пермяк подробно описывает дом и домашний уклад семьи Бажовых. Рассказывая о писательской елке в суровом 1942 году, устроенной Бажовым, замечает: «Может быть, глава об этой елке тоже ни к чему, но ведь П. Бажов был не только писателем, общественным деятелем, но и весельчаком, затейником, любящим отцом и ласковым дедом, нежным мужем и великолепным товарищем.

<...>Бажова я почти не помню угрюмым...»[21].

Стоит привести отрывки из главы «Литературный вечер в Таборах». «Литературные вечера в больших городах не всегда проходят, как говорят театральные администраторы, с аншлагом. А здесь - заняты даже подоконники. Даже открыты окна, а за окнами на принесенных из дому скамьях и столах стоят люди.

Здесь Павел Петрович дома. Он даже не притрагивается к рукописи. Он читает по памяти. Ему нечего бояться ошибиться, пропустить строку. Он "сказывает сказы", а не читает их.

<...>Выступающий воспламеняет аудиторию. Аудитория взаимно воспламеняет выступающего. Когда этот контакт в Таборах достигает накала свечения, я увидел Бажова страстным, темпераментным мастером чтения (точнее - "сказывания"). У старика блестят глаза. В голосе гневные, трагические или, наоборот, мягкие, певучие нотки.

- Отвел душеньку, - сказал Павел Петрович, когда кончился нескончаемый, многочасовой литературный вечер, начавшийся после полудня»[21]

Александр Кузьмич Шарц (1906–1986) (настоящая фамилия Шарцев) - педагог, советский и партийный работник, библиограф, краевед, коллекционер. Краеведческие интересы А. К. Шарца были очень разнообразными, столь же разнообразны по тематике его публикации в местной периодической печати, количество которых исчисляется по одним данным сотнями, а по другим — тысячами. Исследователями отмечены отсутствие у автора должной критичности к использованным материалам, вольное обращение с документальными источниками, что привело к порождению краеведческих мифов, вводящих в заблуждение широкую читательскую аудиторию. Таковы, например, его рассказы о поэте-ямщике Макарове, авторе песни «Однозвучно гремит колокольчик», о «велосипеде Артамонова», о «сосне Чернышевского», о надписях, сделанных в пермской пересыльной тюрьме Ф. М. Достоевским и пр. А. К. Шарц был одним из первых на Урале советских коллекционеров и собирателей. Этой деятельностью он начал заниматься с 1919 года. За 50 лет Александр Кузьмич собрал огромный архив ценных документов, периодических изданий, книг. Продолжая дело, начатое еще до Октябрьской революции журналистом и краеведом В. В. Весновским, он собрал данные о нескольких сотнях имен писателей, журналистов, общественных деятелей края для Уральского биографического словаря, который так и не был издан.

В последние годы жизни А. К. Шарц внес большой вклад в пропаганду краеведения и привлечение к нему школьников и молодежь. Он часто выступал с лекциями, занимался организацией общественных музеев — музея П. П. Бажова в пермской школе № 14, музея истории народного образования и др.

А.К.Шарц был хорошо знаком с П.П.Бажовым. Рассказал, в числе прочего, колоритную историю знакомства с писателем: «В августе 1923 года шестьдесят воспитанников детских домов и шестеро студентов Пермского

университета (в их числе и я) поехали в Москву, на первую Всероссийскую сельскохозяйственную и кустарную выставку. На эту поездку нам выдали мешок денег - 700 миллионов рублей знаками 1922 года (в то время килограмм хлеба стоил один миллион рублей). Осмотрев выставку, мы побродили по Москве, побывали в Кремле, а потом дружной гурьбой пришли на Ярославский вокзал: настало время возвращаться в Пермь.

Вагон, в котором мы поместились, был старой конструкции: в нем поднятые вторые полки превращались в сплошные нары. Мы захватили больше полвагона, развернули полки и удобно разместились на них.

Кроме нас в вагоне были и еще пассажиры. Один сразу обратил на себя наше внимание. Лет за сорок, небольшого роста, широкий, выпуклый лоб, спокойные, пронизательные глаза, красивая русая борода. Его манера говорить и простота в обращении - все удивительно располагало к нему.

Ребята окрестили его "дедушкой" и сразу захотели подружиться с ним. Опустили полки в одном из купе, чтоб образовалась комната, и пригласили "дедушку". Это был Павел Петрович Бажов» [34].

Любопытен рассказанный пермским краеведом эпизод из творческой истории сказа «Чугунная бабушка». «Бывая у меня, Павел Петрович не раз обращал внимание на огромные стеллажи с папками, расположенными в алфавитном порядке. Однажды он попросил разрешения, как он выразился, ознакомиться с ними.

Долго, очень внимательно и осторожно Павел Петрович рассматривал папки, сам доставал их с полок и, полистав, снова ставил на прежнее место. <...>В моей комнате на полке стояла небольшая статуэтка каслинской работы - "Чугунная бабушка". Павел Петрович сразу обратил на нее внимание.

- Слыхал, - заговорил он, - сказ об этой бабушке. И начал писать о ней. Вы дайте мне ее, конечно на время, хочется подумать и кое-что вспомнить в ее присутствии!

В ноябре 1943 года я получил от Павла Петровича номер газеты "Челябинский рабочий" от 7 ноября этого же года с его сказом "Чугунная бабушка", а скоро и самое бабушку привезли мне из Свердловска. Так статуэтка каслинского литья напомнила Павлу Петровичу давно задуманный сказ и, видимо, подтолкнула к окончательной отделке его. Позднее "Бабушку" у меня попросила наша Пермская художественная галерея. Там она теперь и стоит»[42].

Несомненно, названными выше людьми круг пермских знакомств П.П.Бажова не исчерпывается. Были соученики по семинарии, издатели дореволюционных пермских газет, партийные и хозяйственные работники времен Великой Отечественной войны, другие люди. Бажова в Перми знали и любили. Показательно, что одна из первых книг о писателе, посвященный его памяти сборник исследовательских статей и мемуаров, выходит в 1955 году именно в Перми, в Молотовском книжном издательстве.

ГЛАВА II

«ПЕРМСКОЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ П.П.БАЖОВА

Интерес к Перми, городу юности, оставался у Бажова неизменным на протяжении всей его долгой жизни. Писатель хорошо знал пермские реалии, сегодняшнюю жизнь и историю края. Показательна, например, его реакция на прочтение книги Е.А.Вердеревского «От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги» : ««...был один писатель Вердеревский. Барин, надо полагать, но некоторые его вещи печатались в «Отечественных записках». Этот Вердеревский в 1857 году совершил небольшую прогулку: от Ирбита через Камышлов, Екатеринбург, Кунгур до Перми на тарантасе, от Перми до Казани на Колчинском параходе «Стрела» <...>(От этой поездки осталась книжка, страниц на 300 «От Зауралья до Закавказья». В ней много забавного,

поверхностного, но теперь, когда прошло около сотни лет, она читается с интересом. ...

В другом месте рассказывает:

«-Дома барин?- спросил я краснощекую здоровую бабу, сидевшую на подъезде с чашкой пельменей, плавающих в уксусе.

- Нету –ка,- ответила камеристка, дожевывая толстый и сочный, как сама она, пельмень или правильнее, пельнянь».

Видите, сколько чепухи. Медвежье ухо, плавают в чашке с уксусом, подаются на крылечке, вроде семечек. Величиной и сочностью со здоровую бабу! Попробуйте представить!

Ну, дело не в этом. В книжке немало и другого»[22; 10, 11].

Встречаясь, общаясь в разные годы с пермяками, П.П.Бажов поддерживал с ними связи, помнил о коллегах. Писатель В. Бирюков вспоминает: «Когда я в 1949 году поехал в командировку в Чердынь, Павел Петрович мне наказывал: «Ты там обязательно разыщи Лунегова. Он музеем заведует...И поклон ему передай...Это энтузиаст. Мы с ним еще по «Крестьянской газете» знакомы. Тогда он был селькором и, кроме того, собирал всякую чердынскую старину. Это фольклорист нашей советской формации» [18;33].

2.1.П.П.Бажов на строительстве Бумстроя.

«Колдун уральский бородатый», как называли его коллеги по перу, неоднократно бывал в Краснокамске. В довоенные годы Бажов собирал материал для книги о бумажниках Прикамья[25;50].

Что бы ни писал Бажов-газетную зарисовку, короткий рассказ или очерк, он постоянно выводил из сугубо конкретного, документального факта значительную обобщающую мысль. Обращает внимание одна особенность, присущая очерковому творчеству Бажова в целом: стремление развернуть тему в ряд очерков-цикл. Так построены им очерки на историко-

революционную тему, очерки-воспоминания о коллективизации и др. Замышлял Бажов написать цикл очерков о камских бумажниках, по истории деревни, по истории фабрик и заводов Урала.

Почти в каждый из его очерков включена историческая параллель.

Настоящее открывается в выразительных цифрах и картинах результатов труда. Обобщенный вывод, сделанный на частном, конкретном случае, Бажов подкрепляет показом перспектив.

Черты времени подмечены в двух художественных этюдах «Из быта новостроек». Оба - результат наблюдений на строительстве Камского бумкомбината. В одном из них – «Тепленькое местечко»- показана гостиница, где обосновались строители. Самые различные по судьбам люди собрались в одном из номеров этой «бывшей» гостиницы (второй этюд «Широкая жилплощадь»), и их всех захватывает размах стройки. Счетовод, когда-то «ехавший на Колыму за повышенным заработком, теперь явно равнодушен к строительству». Даже пожилой электросварщик, которому все время приходится «регулировать» семейный вопрос, в работе забывает свои личные невзгоды.

Их настроения образно выражены приехавшим монтажником-ленинградцем. С одной стройки на другую кочует он с женой и с двумя детьми. Ему безразлично, что в Ленинграде она уже лишилась жилплощади...Советский энтузиаст, он живет одной жизнью со страной. Ничего, что ночь-другую приходится переспать на случайной «дежурной» койке. «Зато получили теперь такую жилплощадь, как новостройки СССР»[17; 66,67].

О сложности настроений писателя периода Бумстроя свидетельствуют воспоминания дочери: «В августе 1935 года отец встретил нас с мамой в Перми, и мы несколько часов шли пароходом «Татреспублика» от Перми до Краснокамска. Для меня это был первый пароход в жизни и Кама была первой большой рекой, которую привелось увидеть. Впечатления меня

подавили, и я совсем плохо помню детали этой поездки. Запомнилось только восхищение отца Камой, которое он явно хотел мне передать.

Целый месяц мы с мамой гостили у отца и жили в рабочем поселке, на строительстве «Камбумстроя» в одном из новеньких двухэтажных светлых домов посреди соснового бора. И от деревьев и от стен в доме пахло одинаково-свежей смолой. А вокруг кипела, бурлила в едином ритме жизнь большого рабочего коллектива. Весь поселок одновременно просыпался, уходил на работу, возвращался-печалился и веселился. Мне было там очень хорошо и весело. А отцу, видимо, не очень. Он постоянно возвращался к нам огорченный, невеселый. Не радовали его даже наши поездки по Каме в выходные дни и прогулки по лесу, когда веселые белки, которых было там множество, забрасывали нас шишками. Не знаю, почему у отца не ладилась работа.<...>

От его жизни в Краснокамске осталось несколько объемистых папок с записями бесед с рабочими и инженерами строительства да неоконченная повесть «Через межу», которая была опубликована уже после его смерти и высоко оценена литературоведами. М.А. Батин назвал ее «наиболее интересным художественным произведением Бажова в первой половине 30-х годов» [4:70-71].

Бумстрой, и это, несомненно, понималось писателем, был явлением неоднородным. В нем соединялось, как и на других великих стройках СССР, масштабность замысла, искренний энтузиазм и трагедия людей, ставших строителями не по своей воле.

В 1929 г. была выбрана площадка для строительства комбината и рабочего поселка между деревнями Стрелка и Конец-Бор, в 1930 г. состоялась закладка комбината. Посёлок первоначально назывался Бумстрой, а в 1933 году ему присвоили имя Краснокамск и статус посёлка городского типа. Уже в 1938 году Краснокамск получил статус города. По масштабам

производства Камский ЦБК, давший первую продукцию в 1936 г., был самым крупным в Европе.

В то же время Пермский край был одним из значительных островов печально знаменитого архипелага ГУЛАГ. В разные годы в области существовала сеть лагерей: Вишерлаг, Усольлаг, Кизеллаг, Соликамлаг, Ныроблаг и др. Тысячи заключенных строили ЦБК в Красновишерске, Соликамске, шахты Кизела и Губахи, промышленные предприятия в Перми, Березниках и других городах, занимались лесозаготовками. Труд заключенных и спецпереселенцев использовался и при строительстве Камбумкомбината.

В мае 1930 года около тысячи заключенных – мужиков с Дона и Кубани – валили здесь лес, расчищая стройплощадку для будущего комбината и рабочего поселка, копали первые котлованы для варочного и кислотного цехов. Они же строили первые бараки поселка Соломиты и обносили их проволочными ограждениями в два ряда с вышками для охраны. Строительство поселка Соломиты было развернуто на территории между нынешней ТЭЦ-5 и болотом, теперь засыпанным шлаковыми отходами ТЭЦ. Соломиты – это дощатые бараки, в простенках которых для утепления закладывались соломенные маты. В бараках были сплошные нары, рассчитанные на 100–120 человек в каждом.

По состоянию на сентябрь 1931 г. на строительство прибыло 2 эшелона со спецпереселенцами и их семьями: I эшелон – всего 1675 человек, из них – трудоспособных 743, II эшелон – 1474 человека, из них – трудоспособных 717, всего – 3149 человек, из них трудоспособных – 1460 [11].

Из письма первого директора комбината Якова Ивановича Горячева начальнику Пермского оперсектора ОГПУ Прохоренко известно, что на строительстве комбината был Лагпункт ВИШЛАГа. В 1933 г. лагпункт ликвидирован в связи с невыполнением договора и неудовлетворительной работой заключенных на строительстве. Директор просит прислать на

строительство спецпереселенцев в количестве 600–700 человек, поскольку их работа была более эффективной [32].

В апреле 1938 года, когда комбинат уже вышел на проектную мощность и ему потребовалось огромное количество балансовой древесины, всех спецпереселенцев из Краснокамска отправили в глухие лесные поселки севера области на лесоповал. В 1936–1938 гг. многие главы семейств спецпереселенцев попали в сталинско-ежовскую «мясорубку», и многие были расстреляны.[32]

На Бумстрое будущий автор знаменитых сказов собрал богатый материал для книги. Он беседовал со всеми руководителями, с «иноспецами» - иностранными инженерами, с простыми строителями – недавними крестьянами, в том числе раскулаченными.

Книгу, за выпуск которой отвечал «тов. Бажов», хотели создать быстро, в течение нескольких месяцев. Но «сделать» сборник «социалистическими темпами» не удавалось, а в конечном счете, она так и не вышла. По очень простой причине: авторы «пропали». Сохранился протокол совещания при управлении строительства Камского целлюлозно-бумажного комбината. Там черным по белому написано: «Все материалы должны быть подготовлены и переданы в редакционную комиссию не позднее 1 июля 1935г.»

Ничего из этого не получилось. Почти все присутствовавшие на «историческом совещании» - Кроненберг, Мельцер, Бурагин, Грингоф, Соколов, Прозоров и приглашенные лица – были арестованы. А это все первые лица, они же, по плану Бажова, назначались ответственными за свои разделы сборника. В редколлегию книги был включен и начальник строительства, он же директор Камского бумкомбината Я.И. Горячев.

Сам Павел Петрович взял на себя подготовку и написание двух (из семи) разделов сборника. Один из них назывался «Как мы жили и работали». Свои рабочие записи писателю пришлось уничтожить, потому что честный и беспристрастный рассказ о том, «как мы жили и работали» в тех условиях

автоматически становился обвинительным материалом против самого автора и против его героев-строителей – они же сплошь «троцкисты-двурушники», «контрреволюционеры», «вредители» и «враги народа».

Бажов был недоволен своими очерками, стремился уехать с Бумстроя. Позднее он редко обращался к воспоминаниям о нем.

Вновь Павел Бажов посетил Краснокамск в военном 1943 году. Вместе с ним гостем города стал известный писатель Евгений Пермяк, о чем он и рассказал в своей книге «Долговекий мастер», которую посвятил Павлу Бажову[25;50].

Краснокамск гордится этим фактом своей биографии. Имя Павла Петровича Бажова присвоено центральной детской библиотеке. В городе есть сквер Бажова, где установлены деревянные скульптуры героев Бажовских сказов.

Утром 4 июня 2013 года на главной площади города зазвучали голоса : «У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем – там и появится дорогой камень»...

Сотни детишек, приняв удобные для себя позы, слушали сказ Бажова. Кто-то слышал эти строки не в первый раз, а для кого-то чудные истории про козлика Серебряное копытце стали открытием.

Так в городе начались Бажовские детские чтения, которые стали частью культурной программы «Краснокамск: Новый проект».

Сказ «Серебряное копытце» читали в этот день во всех детских садах, библиотеках лагерях, клубах по месту жительства, скверах и парках. Авторы идеи считают, что каждый краснокамец с детства должен помнить, что в его городе жил знаменитый писатель и знать хотя бы одно его произведение. Также ребята приняли участие в увлекательной игре « В поисках уральских самоцветов» и в других развлекательных мероприятиях, тематика которых связана со сказочником Уральских гор – Павлом Бажовым [25;51].

2.2. Повесть «Через межу»(1934, 1950)

Повесть «Через межу» как будто выпадает из обзора «досказовых» произведений Бажова, потому что она впервые увидела свет уже после смерти писателя. Но для характеристики развития Бажова это произведение имеет принципиальное значение. История его такова. В самом начале 30-х годов П.П. Бажов выезжал на строительство целлюлозно-бумажного комбината на Каме. По живым наблюдениям над тем, что он там увидел, писатель и начал работать. Ни характер, ни жанр текста Бажову тогда еще не были ясны. Книга не получилась. Автор забросил эту работу и вернулся к ней лишь через пятнадцать-шестнадцать лет, чтобы включить в сборник «Уральские были». Только в 1950 году произведение получило заглавие, а также жанровое обозначение – повесть, которое, впрочем, в печатный текст не вошло. Уверенно выписанные характеры, показанные в развитии, - средствами и портрета, и диалога, и в действиях персонажей, и в их взаимных оценках; четко обозначенное начало основного конфликта, интересно намеченный сюжет; точный язык, - таковы достоинства произведения. Мастерски написаны северные пейзажи: «Водная равнина блестит миллионами маленьких зеркал, будто плавится под горячим июльским солнцем. Глаз отдыхает лишь на кудрявой кайме противоположного низкого берега. На всем огромном просторе, который охватывает глаз, на одного признака жилья. О человеческой жизни говорят лишь сигнальные знаки на реке и берегу, да внизу маячит дымок.

Не скоро придет этот пароход. Он еще будет приваливать у деревни Котловины, которая скрылась за лесистым мыском. До этой пристани от будки считается шесть километров. Выше по реке, в пяти километрах, целый куст мелких деревушек, домов по двадцать-тридцать каждая. Но ни одной из них тоже не видно из-за леса и прихотливых извивов береговой линии» [1,3;

240-241]. Но три главы, опубликованные в 1951 году, содержат лишь экспозицию и сюжетную завязку произведения.

Действие относится к 1929 году. Маскирующийся кулак Поскотин, чувствуя, что надо срочно развязаться с остатками хозяйства, рассчитывает продать дом под контору планируемого строительства. С этой целью он вступает в сговор с другим бывшим кулаком, Преснецовым, оказавшимся в числе людей, посланных для предварительного ознакомления с намеченной для стройки площадкой. Значителен характер батрачки, Фаины Рублевой. Это женщина, сформированная жестоким временем, когда каждый сам за себя. За ее красотой и женственностью скрыты жесткость и настороженность много испытавшего человека. Выразительна сцена знакомства главных героев:

« - Одна ходишь? Не боишься?

- Не из трусливых. От одного отобьюсь, а больше налезут, товарища позову, - и перед Кочетковым сверкнул широкий нож с плотно охватывающим руку ремешком у черенка. Кочетков даже отодвинулся и поперхнулся от изумления, а гостя похвалилась: «Бритва», и, сильно вытянувшись всем телом, черкнула ножом по кусту папоротника. Узорные листья на миг оставались неподвижными, потом разом посыпались, образуя почти правильный круг.

- Вот ты какая,- удивился Кочетков.

- Станешь такой,- усмехнулась Фаина с злым блеском в глазах, а нож уж исчез так же незаметно, как появился» [1,3;248]. Фаина - вдова красногвардейца и подозревает, что кулаки готовят какую-то «подлость Советской власти». По совету коммуниста Ивана Кочеткова, бакенщика, она едет в окружной центр, в партийный комитет, чтобы разоблачить кулаков. На этом обрывается повествование.

Авторская заявка здесь весьма значительна. Но тем более очевидна незаконченность произведения. В написанных главах не завершена даже и

расстановка сил противостоящих лагерей. Кочетков и Фаина договорились лишь о первом шаге в борьбе против кулаков. Главные силы – «город», партийная организация – еще не вступили в действие. Еще не начали действовать ни Поскотин, ни Преснецов. Да пока нет строительства, им, в сущности, нечего делать. Только намечаются и личные отношения Ивана и Фаины.

Правда, при подготовке текста к печати в 1950 году Бажов попытался придать произведению некоторую завершенность. Прямолинейно-плакатно изображена группа противников нового строя, в которых батрачка Фаина чувствует врагов: «Подходя к дому, Фаина внимательно рассматривала приехавших. Появление их казалось ей необычным. Станным казался ей и вид приезжих.

Один из них, с широкой седой бородой и длинными седыми волосами, выглядевшими из-под фуражки, стоял, заложив руки за спину, и поминутно вскидывал головой. Полки белого кителя от этих резких движений расходились, и было видно выступающее брюшко, синюю рубашу, низко подпоясанную белым шелковым шнурком с кистями. «Какой-то старый барин», - опередила его Фаина.

Рядом с Бурым стоял высокий костистый человек с непомерно длинным туловищем. Одет он был так же, как и Бурый, с той лишь разницей, что вместо фуражки-блина, у него была кожаная фуражка австрийского образца с широким околышем и очень маленькой тульей, отчего он казался еще длиннее.

«Ровно щука на ногах», - оценила эту фигуру Фаина.

Третий, в мягкой серой шляпе, хорошо выглаженном костюме, с клетчатым плащом на руке, стоял безучастно, как посторонний, случайно остановившийся около группы говоривших.

«Это кто?» - задала себе вопрос Фаина и, не найдя ответа, предположила: - Не немец ли какой?»[1,3;259]. Уезжая в город, Фаина говорит Кочеткову:

«Решилась я! Перешагну деревенскую межу» [1,3;282]. Эти последние слова текста – о решении Фаины вырваться из осточертелого круга навязанных ей обязанностей и зависимостей, опасений и страхов, всего, что связывается в ее представлении с единоличной деревенской жизнью, могли быть только, так сказать, сигналом вступления героини в борьбу и сигналом к дальнейшему развитию действия в произведении в целом. Кстати сказать, эти слова вписаны чернилами - рукою автора-в первоначальный машинописный, пожелтевший от времени текст. Но дальнейшего развития повествования не последовало.

Возможны были два варианта наметившегося конфликта, подсказанные действительностью начала 30-х годов. Один из них: строительство целлюлозно-бумажного комбината, осуществляемое успешно благодаря решительному подавлению ожесточенного сопротивления врагов,- вариант, наиболее естественный по «исходным данным»: место действия-заводская строительная площадка. Другой, как будто менее вероятный: борьба в деревне за колхоз. Могло быть и какое-то переплетение обоих вариантов.

На деле ни первого, ни второго, ни третьего нет. Писатель как бы «свернул» повествование на том месте, где остановился полтора десятка лет назад. Он избрал как раз кажущуюся менее вероятной сельскую линию развития сюжета, о чем, кстати, свидетельствует и включение произведения в раздел «Зарисовки деревенского быта». Однако и в качестве «сельского варианта» произведение не имеет законченности.

В чем причина остановки в работе Бажова над повестью «Через межу» в начале 30-х годов? Бажов писал, что он «готовил материал для книги о Краснокамске, но это строительство так затянулось и оказалось таким отрицательным примером, который не стоило показывать». Адрес строительства был совершенно ясен: «многоводная северная река», строительство бумажной фабрики, близость крупного города. Всякий уралец безошибочно определит: Кама, Пермь, строительство Камского целлюлозно-

бумажного комбината. Снять эти точные признаки места Бажов решительно не мог ни по характеру своего творческого опыта, ни по характеру конкретного задания, с которым он приезжал на эту стройку от Свердловского отделения Гослестехиздат, где он тогда работал редактором отдела. Он пока не считал возможным отвлечься от представших перед ним факторов, случайных и временных (комбинат вступил в строй в 1936 году), и продолжить производство так, как подсказывали не местные, а реальные, для всей страны типичные условия индустриализации.

Добавим, что и повесть «За советскую правду» обрывалась там, где как будто должны были развернуться действия партизанского отряда. Но они не развернулись. Позднее Бажов писал, что отряд был разгромлен в Томском урмане. Таким образом и в судьбе отряда писатель не увидел ничего показательного.

По мнению критика, «П. П. Бажов до середины 30-х годов в писательском деле чрезвычайно мешало неукоснительное следование навыкам, которые определяются главным требованием к работе советского журналиста: строгим соблюдением фактичности. Он большим трудом переходил от принципов и навыков типизации, обычных и естественных в документальных произведениях, к типизации, требующей вымысла, творческой фантазии. Главы неоконченной повести «Через межу» свидетельствовали о том, что Бажову оставалось сделать в этом направлении последние шаги»[5;53]

Наверное, все было сложнее. Бажов в 1923-1931 работал в областной «Крестьянской газете». В качестве корреспондента он странствовал по уральским деревням, печатал очерки и статьи о крестьянской жизни. Из многочисленных писем читателей в годы «великого перелома» и из собственных наблюдений ему была ясна объективная картина коллективизации.

Страшными были и впечатления от строительства. «В начале 1931 г. из Татарской АССР на Бумстрой привезли две тысячи раскулаченных крестьян, изгнанных из своих домов с самым жалким скарбом (на сборы давалось не более трех часов). Их и разместили в поселке Соломиты (в 200 метрах напротив современной проходной Краснокамского завода металлических сеток), где было построено более десяти бараков. В 1932–1933 годах на Бумстрой этапировали большую партию заключенных с Украины и Дона. Это были в основном осужденные за «колоски» (по Указу от 7 августа 1932 г.). Их поместили в так называемые «улоновские» бараки, что напротив современной ж/д вокзала (станции)» [32].

Помещать живые характеры героев в искусственно-благостные ситуации, изображать противников коллективизации как законченных злодеев Бажов не смог или не захотел. Сокращенная, лишенная внятного финала повесть 1950 года стала компромиссным решением не решаемой проблемы.

О коллективизации на Урале написано немного, художественных произведений – тем более. В Пермском крае (Молотовской области) в годы «великого перелома» трагически сплелись судьбы высланных и высылаемых, подневольных строителей и энтузиастов индустриального преобразования страны. Ценность повести П.Бажова, по сути, являющейся подступом к теме, в обозначении ее для будущих писателей. наброски ярких характеров, колоритные пейзажи, выразительность диалогов свидетельствуют, что неосуществленный замысел мог дать в итоге значимый результат.

2.3. Сказ «Ермаковы лебеди»(1940)

Бажова всегда интересовала история, в его творческих планах был ряд произведений, посвященных прошлому Урала, написанных в традиционно реалистической манере. В частности, писателя интересовал род Строгановых

и все, что с ним связано[9]. Дочь, Бажова-Гайдар, вспоминает, что «отец собирался написать роман об атамане Золотом... Об этом рассказывает подробно в своей книге «Долговекий мастер» Е.А. Пермяк. Но я не помню, чтобы отец кому-нибудь читал наброски к роману. Между тем они сохранились, и видно, какая проведена большая подготовительная работа. Замысел романа или повести родился, по-видимому, еще в 90-е годы XIX века, прошел через всю жизнь и не осуществился. Вот теперь я открываю объемистую папку, на которой отцовской рукой, еще молодым почерком написано: «Атаман Золотой». Здесь в основном заготовки. Словарь к Золотому обширен и разнообразен: искательный; оказать ласковость; выкланивать расположение; безкорейный (бесстыдный); ясенева укладка; нахрапок; в бороде ума нет; собачья дружба до первой кости»[4;124-125]. Исследователь творчества П.П.Бажова приводит первоначальный краткий план повести: «Новое Усолье. В именье князя Бор. Г. Шаховского приказчик Федька Калашников. Семья Плотниковых. Дедушка, сказки, отец, два брата. Семейный разлад.

Цифирная школа. Почему туда попал Андрей. Учителя и учебники, соученики.

Работа в заводской конторе».

В развернутом виде план несколько видоизменился и оброс деталями.

«Просторная, богато убранная изба XVI столетия. Под образами в углу за столом Семен Аникеевич Строганов. Не старый еще человек в коренной бородой, в которой пробивается седина. Одет попросту. Только что с дороги. Перед ним приказчик Федотыч, вертлявый плешивый старикашка, в широком, высоко подпоясанном чекмене, и могучего сложения чернобородый детина, в узорчатом кафтане и при сабле. В правой руке у него шапка стрелецкого типа. Это начальник городской охраны Строгановых Вонифатий»[4;177].

В набросках романа видна бажовская точность описаний, знание исторических реалий: «Улица строгановского городка. Строгановские палаты, амбары, крепкие избы широкой улицы. Толпа преимущественно женская и ребячья. Бегут навстречу ватаге людей, вооруженных копьями и луками, в доморощенных панцирях (кожаных и стеганых куртках с пришитыми к ним железными пластинками). Все в меховых или войлочных шапках, тоже с железными пластинами»[4;179].

Из задуманного Бажовым в характерном для него жанре сказа реализовались «Ермаковы лебеди»

Сказ «Ермаковы лебеди» занимает в творчестве Бажова особое положение. Он признается историками таким произведением, в котором собственно-художественные качества совмещаются с познавательной исторической ценностью трактовки в нем материала из прошлого России.

Бажов в письме к Е.Пермяку указывал на разногласия историков и на отсутствие в исторической литературе таких исследовательских работ о Ермаке, на которые мог бы опереться писатель. Неясность биографии завоевателя Сибирского царства давала литераторам широкий простор для фантазии и для того «процесса своеобразного мифотворчества», о котором писал еще В.Сиповский» [17;86-87].

По замыслу Бажова, сказ «Ермаковы лебеди» должен восприниматься как своеобразное «открытие уральского народно-поэтического предания», пополняющее цикл уже известных фольклористике произведений о Ермаке. Географическая паспортизация в виде указания на Чусовские городки, где сказ «бытовал» и где совершались события, связанные с именем Ермака, должна была повысить историческую ценность «документированного» таким образом «фольклорного источника»[8]. Описание Чусовских городков в начале сказа, лаконичное и точное, придает повествованию необходимую достоверность: «Когда еще по нашим местам ни одного города, ни одного завода либо села русского не было, у Строгановых на Чусовой реке сельцо

было поставлено. Сельцо малое, а городом называлось, потому – крепко было огорожено. Канавы кругом, вал земляной, а по валу тын из высоких бревен-стояков. С двух сторон ворота надежные поставлены, да еще башни срублены. На случай, чтоб оттуда стрелять либо камнями бросать, а то и кипятком поливать, коли кто непрошенный ломиться станет. И ратные люди в этом Чусовском городке жили. Ну, и крестьяне тоже »[1,1;305] Любопытно, что Бажов в сказе преимущественно разрабатывает те вопросы, о которых в письменной литературе нельзя найти надежных фактических сведений. Писатель только приводит доходившие до Чусовского городка «слухи» об обстоятельствах покорения Сибири, а рассказ о деятельности Ермака на Дону и на Волге вкладывает в уста самого героя произведения. Но сказитель подробно повествует о юности Ермака и о его жизни на Урале, об его уходе от Строгановых в казачью вольницу, возвращении на родину с дружиной, направляющейся в поход против сибирского хана Кучума, – т.е. о том, что могло быть засвидетельствовано «очевидцами»[17;88].

Сюжет уральского предания о Ермаке начинается с рассказа о жизни в Чусовском городке Тимофея Аленина, у которого было три сына. Ассоциация с традиционным сказочным мотивом показывает, что сказитель хорошо разбирается в поэтических средствах сказочного фольклора: «И было у него, ровно в сказке, три сына, только дурака ни одного».

В «чусовском сказе» Бажова о Ермаке мотивы прихода на Урал, на Чусовую, в вотчины Строгановых отца Ермака, Тимофея Аленина, и рождения у него здесь трех сыновей в общем совпадают с материалом «Сказания Сибирской земли». Автор «Сказания», стремясь убедить в достоверности сообщаемых сведений утверждает, что якобы сам Ермак «известие написал, откуда рождение его». Но если в этом источнике говорится, что Тимофей Аленин «от скудости» сошел на реку Чусовую в вотчины Строгановых, то рассказчик сказа «Ермаковы лебеди» намекает на

возможность иных причин поселения: «По доброй воле он туда пришел, али ссылкой попал – это сказать не умею», – говорит сказитель[17;90].

Повествование о раннем периоде жизни Ермака, когда он был кормщиком на Строгановских стругах, тесно связано с теорией уральского происхождения атамана, горячим сторонником которой выступает сам рассказчик. «Из тысячи один, а то и реже такой парень выходит и должность себе хорошую достигнул. Парень приметливый да понятливый и новые места поглядеть охотник...Строгановы, понятно, приметили такого парня, кормщиком его поставили...Скоро Тимофеича по всем Строгановским пристаням узнали. Удачливее его кормщика не было»[1,1;311], –утверждает сказитель.

Показ поводов для столкновения со Строгановыми будущего героя переплетается с повествовательными мотивами, задуманными как «доказательство» уральского происхождения атамана.

Сказитель подходит к конфликту издалека. Сперва он рассказывает об увлечении Василия воеводского дочерью и об ее предательских поступках. Слепленный своим чувством к этой «обманной девке», Василий не видит, что она только «лицом-цветок, а нутром-головешка черная». Свое отношение к стихийности чувств человека рассказчик выражает пословицей: «полюбится сова – не надо райской пташки». Василий не прислушивается к советам стариков, знающих, что простому человеку, «холопу», не по пути со знатью. Он убеждается в справедливости этого положения только после ряда событий, начавшихся его столкновением с воеводой на почве классового неравенства. Конфликт не замыкается областью интимных отношений. Он приобретает социальную окраску.

Столкновение с воеводой вызывает бегство Василия из Чусовского городка. Именно в это время он «всю Чусовую до края прошел» вместе со своими чудесными лебедями, указывающими ему путь. Он не только «все реки-старицы изведаль, да и в окружности поглядел», но и , как полагает

рассказчик, ему «первому из наших довелось сибирской водицы из Тагила-реки испить»[1,1;313] .

«Испить воды из какой-либо реки» в значении «достичь определенного места на отдаленной территории» – это формула народно-поэтического языка, обычно используемая в эпических жанрах (чаще всего в приложении к области военных действий). Уже здесь намечается тенденция при обрисовке героя обращаться к образности народной речи, к выразительным средствам народного поэтического искусства. Столь же выразительно описание путешествия Василия с лебедями, спасенными им в детстве: «Лебеди заартачились, крыльями замахали: не выдумывай! Василий их и послушался, не пошел по Тагилу...

Поднимет лебедь правое крыло, как покажет на горку какую, либо на ложок, поглядит Василий на то место и увидит насквозь: где какая руда лежит, где золото да камня. Поднимет лебедь левое крыло, и Василию весь лес на берегу на многие версты откроется: где какой зверь живет, какая птица гнездится. Ну, как есть все.

При таких лебедях, понятно, об еде да питье Василью и заботы не было. ... Заведут лебеди лодку..., а там как пещера выкована, и в ней поесть и попить приготовлено» [1,1;313-314].

Бажову не удалось увидеть экранизированным его сказ «Ермаковы лебеди», и об этом он не без сарказма пишет[18;19]: «...Кстати, сценарий «Ермаковы лебеди», написанный Петровым, забраковали. Говорят,- нужен исторический Ермак, а не по сказу. Выходит, подвел я. Говорится серьезно, в расчете на невежество в этом вопросе. Ведь не все знают, что об Ермаке у наших историков много грызни и ни одного солидного исследования. Выйдет та же сказка немецкой, либо поповской ориентации, а для Свердловской кинофабрики она будет подходить так же, как первая «уральская» картина «Сильва» с участием московских исполнителей. Ну, это дело

кинематографическое. Недаром Адуев пошутил: «В самом слове кино есть - но».

Сказ «Ермаковы лебеди» получил в Пермском крае, особенно в регионе реки Чусовой большую популярность. В частности, он стал источником устных рассказов, бытующих среди местного населения до настоящего времени [8]. Не отменяя информации профессиональных исследований, история о юном Ермаке, спасшем прекрасных лебедей и ими спасенным, является колоритным штрихом региональной истории. Бажов в данном случае выступает одним из ее летописцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя информацию, связанную с личностными и культурными контактами Павла Петровича Бажова с Пермским краем, можно сказать следующее:

Пермь и Пермский край были важными составляющими долгой жизни писателя. Шестилетнее пребывание в Перми, обучение в семинарии сформировали представление будущего писателя о мировой и, в особенности, отечественной литературе и культуре. Будущий священник получил обстоятельное богословское образование. Духовный опыт этих лет сказался в его произведениях, подспудно определял поведенческую модель в сложных социальных и нравственных обстоятельствах. В Перми Бажов-семинарист начинает деятельность литератора: его первые, под псевдонимами, публикации на страницах «Пермских губернских новостей» становятся началом журналистской работы, которой писатель будет верным всю жизнь.

Трагические эпизоды, связанные с Пермью в период Гражданской войны, не находят непосредственного отражения в творчестве писателя. Причиной тому могла стать сложность обстановки, ситуация выбора пути, давшаяся П.П.Бажову нелегко. В то же время испытания, пришедшиеся на долю Бажова в Перми, в дальнейшем станут частью Бажовского мифа, получат разнообразную интерпретацию в популярных массовых изданиях, в пермской периодике. Бажов, в отличие от многих классиков советской литературы, для пермяков изначально лишен «хрестоматийного глянца». Это хозяин своей судьбы, совершавший самостоятельный выбор: стать или не стать священнослужителем; принять в гражданской войне сторону белых или красных; решиться на побег из тюрьмы. И все эти переломные эпизоды судьбы автора «Малахитовой шкатулки» связаны с Пермью.

Сложность общественно-политической ситуации тридцатых годов, знание подлинных реалий колхозного строительства и настоящей, не официальной картины великой стройки, предопределили незаконченность текстов, создававшихся во время работы Бажова на Бумстрое в Краснокамске. Архив тех лет писатель почти полностью уничтожил. Сохранились очерки, запечатлевшие людей и позитивный пафос одной из известных строек первых пятилеток. И в этом была большая правда. Но не вся. Сегодня, когда известна подлинная история коллектива строителей Бумстроя, наполовину состоявшего из спецпереселенцев, его расстрелянного руководства, становится объяснимым драматическое решение писателя, отказавшегося от написания книги о тех, кто строил Краснокамск.

Павел Петрович Бажов отказывается и от изображения коллективизации на Урале, ограничивая сюжет повести «Через межу» первыми главами. Можно лишь констатировать, что отечественная словесность не обогатилась художественным воссозданием сложнейшего, драматического процесса. В начале тридцатых в Пермском крае разворачивались одновременно трагедии собственных «раскулаченных» и высланных сюда спецпереселенцев. Журналист Бажов не рискнул изобразить народную драму. Повесть «Через межу» осталась заявкой на изображение одного из самых драматических моментов истории Пермского края.

Стабильный интерес Бажова к истории Прикамья выразился в замыслах романа о Строгановых, в сказе «Ермаковы лебеди», имеющем в нашем крае особую судьбу. Сюжет сказа со временем породил одну из популярных легенд, вписался в поэтическую историю Чусовских городков, стал частью пермского текста.

Пермь – место профессиональных контактов и дружеских связей П.П.Бажова. Знаковые для города и края деятели культуры искусствовед Николай Николаевич Серебренников, писатель, редактор Клавдия Васильевна Рождественская, прозаики Борис Рябинин и Евгений Пермьяк,

журналист Аркадий Константинович Шарц были корреспондентами, личными друзьями писателя, соратниками в общественных и художественных дискуссиях. Они оставили воспоминания об авторе уральских сказов, мудром и добром человеке, были, как и Бажов, патриотами Урала, хранителями и защитниками его природы и культуры.

Не являющаяся «главным» городом Бажова, Пермь хранит о нем благодарную память. Здесь вскоре после кончины писателя вышел первый в стране сборник научных статей о его творчестве[17], в нескольких школах города существуют музейные экспозиции, посвященные писателю[14], [20], [40]. Мемориальная доска есть на здании, где когда-то была семинария. Пермское книжное издательство многократно издавало «Малахитовую шкатулку» с иллюстрациями пермских художников. Не раз пермские писатели награждались за свои книги Всероссийской премией имени Бажова. В числе последних – Владимир Виниченко и Юрий Беликов, поэты; первый – пишет стихи для детей, второй – автор философской лирики. Для Бажовской премии и пермской памяти о Бажове это сочетание символично.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бажов П.П. Сочинения в трех томах. М.: Издательство «Правда», 1976.
2. Бажовская энциклопедия / ред.-сост.: В. В. Блажес, М. А. Литовская. Екатеринбург : Сократ; Изд-во Урал. ун-та, 2007. 639 с. .
3. Павел Петрович Бажов: библиогр. указ. (1913-2010) / сост. В. В. Горева, Н. В. Кузнецова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 606 с.
- 4.Бажова-Гайдар А.П. Глазами дочери. М.: Советская Россия, 1978. – 192 с.
- 5.Батин М.А. Павел Бажов. М.:Современник, 1976 -262 с.
- 6.Бирюков В.Дальнее-близкое // Павел Петрович Бажов в воспоминаниях. Свердловск, 1953 . – С.63-69.
- 7.Будрина А.Г. Поликарпова Г.А. Дело всей жизни Пермь: Кн. изд-во, 1970. — 94 с.
- 8.Быль Чусовских Городков: Краеведческий сборник – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000 – 400 с.
- 9.Веревкин Г. И. Строгановы и Верхнекамье в творчестве П. П. Бажова // Коноваловские чтения 2003 г. — Пермь, 2005. — Вып. 5. Княжеский род Голициных в Усолье. — С. 183–186.
- 10.Вид с Думной горы: пространства Урала в сказах П.Бажова. - Екатеринбург: Сократ, 2011 – 460 с.
11. Гладышев Владимир. Сказочник умел молчать //incognito в Перми. Неизвестные визиты известных людей. Пермь. 2013. С.66- 75.
12. Князева Евгения. « Возвращаться к прошлому – значит, идти в будущее // Мы-земляки. Пермь. 2013. №4. С.48-51
- 13.Куколев Л. Пермские страницы «долговекого мастера» : к 100-летию П. П. Бажова // Вечерняя Пермь. 1979. 4 янв.
- 14.Надеждин Ю. Трубка Бажова : репортаж (открытие музея в школе № 109 города Перми) // Вечерняя Пермь. 1983. 28 декабря

15. Никулин Н.В. Сказ П.П.Бажова «Ермаковы лебеди» // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Спешилловских чтений в Перми. – Пермь, 2001. Вып 3. С.95-100.
16. Павел Бажов. Воспоминания о писателе. – М.: Советский писатель, 1961. – 400 с.
17. Павел Петрович Бажов. Сборник статей и воспоминаний. – Молотов: Молотовское книжное издательство – 1955. – 303 с.
18. Павел Петрович Бажов в воспоминаниях. Свердловск, 1953. – 248 с.
19. Палкина-Ведова. Бажов в Краснокамске // Город моей судьбы. Краснокамск, 2003. Вып 3 С.18-28.
20. [Пермская СОШ №75 создает музей П.П.Бажова] // Уральский следопыт. 1979. № 10. С.32.
21. Пермяк Евгений. Долговекий мастер. О жизни и творчестве Павла Бажова. Москва, "Детская литература", 1974.
22. Пермяк Е. Письма ко всем // Павел Петрович Бажов в воспоминаниях. Свердловск, 1953. – С.5 – 23.
23. Плотников И.Ф. Под чужим именем: П.П.Бажов в годы Гражданской войны // Уральский следопыт. 2004. №1. С.2-6; № 2.С.4-7; № 3 С.25 – 28.
24. Под опекой Павла Петровича Бажова // Встречи. К 100-летию Бориса Рябина. Кунгур, 2011 С.75 – 76.
25. Под знаком «уральского колдуна» // Пермский период. Город у великой реки. 2013. № 2. С.50-51.
26. Рождественская К. «Моему неизменно окрыляющему реактору»...» Воспоминания о Павле Петровиче Бажове // Урал. 2005. № 1. С.241-246.
27. Рождественская К. Воспоминания о Бажове // Павел Петрович Бажов. Сборник статей и воспоминаний. – Молотов: Молотовское книжное издательство – С.173-225.
28. Рябинин Б. К. Рождественская – писатель и редактор. – Пермь, 1988. – 166 с.

- 29.Рябинин Б.С. Посмертное – от старшего друга / из книги «Ушедшее-живущее» - М.: Советский писатель, 1985.- С.408.
- 30.Рябинин Б. Золотое дно: очерки. Свердловск, 1941. С.3-39.
31. Рябинин Б. По следам легенды // Павел Бажов. Воспоминания о писателе. – М.: Советский писатель, 1961. – С. 19- 73.
- 32.Семакина Т. Р. История строительства Камского целлюлозно-бумажного комбината и г. Краснокамска в 1930-е гг. // <http://www.pmem.ru/248.html>
- 33.Слобожанина Л. «Слово и история: Творческий опыт П.Бажова в историческом жанре //Урал. 1984. №1.С.166 – 171.
- 34.Шарц А. Встречи с П.П.Бажовым // На Западном Урале. Пермь, 1960. С. 94-98.
- 35.Шарц А. Краснокамские тетради П.П. Бажова // Краснокамская звезда. 1964. 5 мая.
- 36.Шарц А. Безымянные попутчики \ Тагильский рабочий. 1976. 8 апреля.
- 37.Шарц А. Откликнитесь! // Чусовской рабочий. 1976. 10 марта.
- 38.Шарц А. Пешком п Сибири // Тюменский комсомолец. 1976. 10 марта.
- 39.Шарц А. Побег в тыл врага // Мотовилихинский рабочий. 1976. 9 июля.
40. Шарц А. Музей уральского сказочника (школа № 135 города Перми)// Комсомольская правда. 1978. 24 мая.
- 41.Шарц А. Встречи с П. П. Бажовым
<http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000048/st005.shtml>
42. <http://rasskajem.ru/vsem-lyubitelyam-skazok>